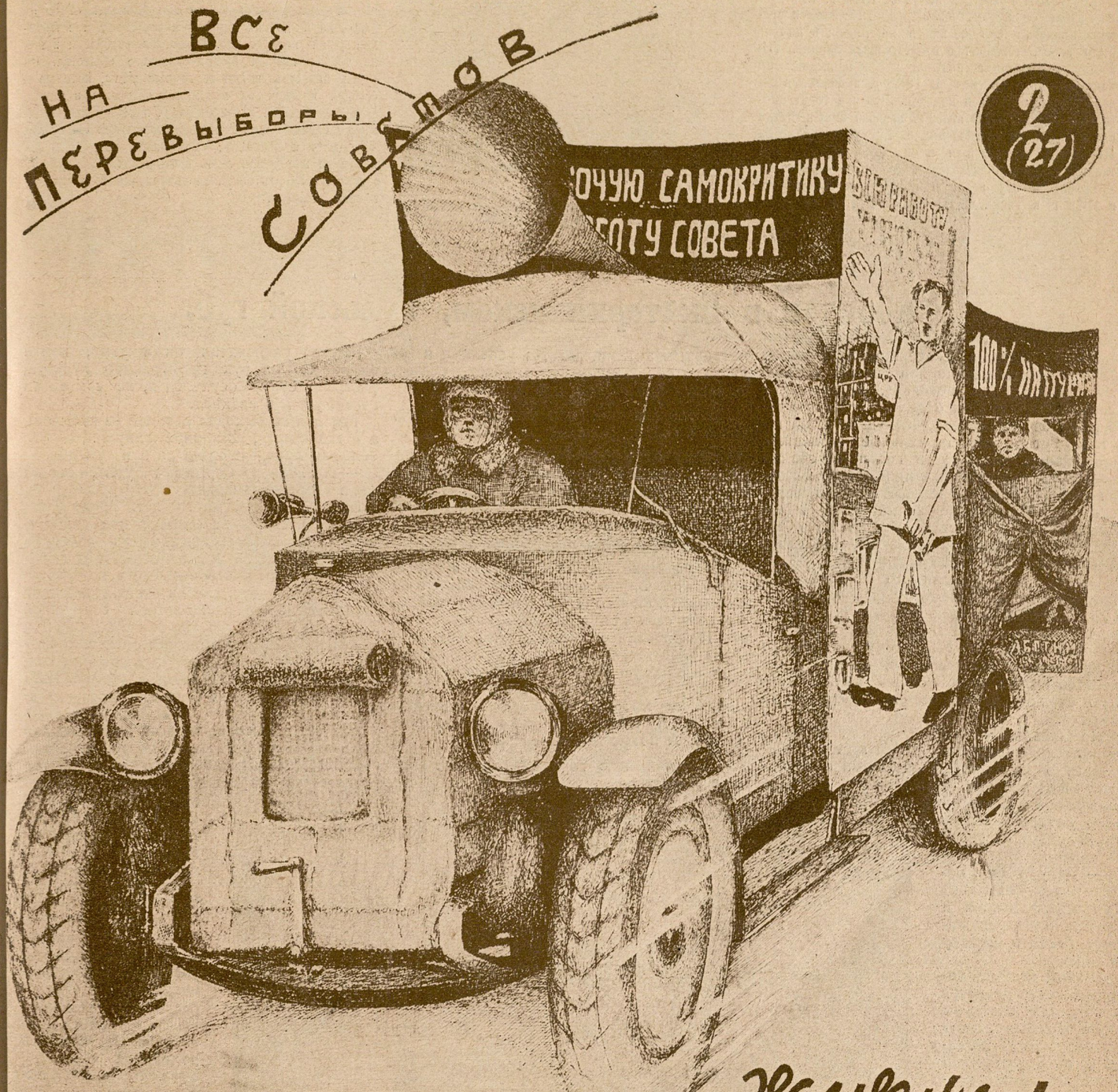
МОЛОТ

Журнал
тул. А. П. П.

Февраль 1929 г.

Александр Сергеевич Грибоедов.

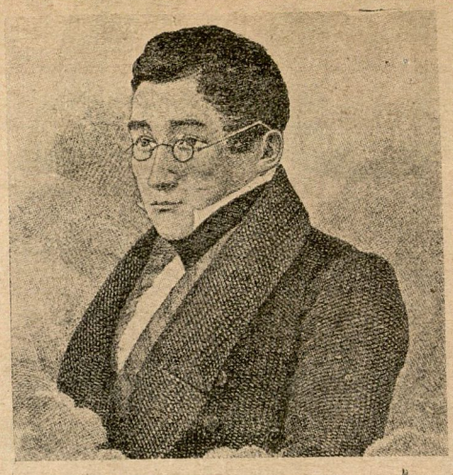
Сто лет назад умер известный драматург А. С. Грибоедов

А. С. родился в 1795 году в московской дворянской семье. С детства он учился в университете, потом поступил на военную службу корнетом. Затем несколько лет был дипломатическим представителем в Персии, где в феврале 1829 г. был убит во время бунта.

Грибоедов находился в связи с декабристами. В январе 1826 г. был арестован за принадлежность к этому обществу, но в июне был освобожден за ненахождением улик.

Печататься Грибоедов начал с 1814 г. Его произведения—преимущественно драматические—в стихах. Значения они большого не имели: в них не было эпоса, совершенно отсутствовала лирика. Известность Грибоедов получил после написания им комедии «Горе от ума». В 1825 г. появились в печати отрывки из этой комедии. Цензура тогда пропустила лишь 7—10 явления первого акта и третий акт с большими сокращениями. Вокруг этой комедии был тогда поднят шум и она была оценена, как талантливейшее произведение.

Грибоедов эту великую комедию начал писать в 1819 г. в Тавризе. В 1821—1822 г.г. он работал над первыми двумя частями ее на Кавказе. Две остальные части он закончил в 1823 г. в имении Бегичевых, в Тульской губерни.

А. С. Грибоедов.

Комедия «Горе от ума» известна очень многим. Многие места из нее превратились в поговорки.

Писатель Гончаров так отзывался об этой комедии: «Эта пьеса похожа на столетнего старика, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит бодрый и свежий между могилами старых и колыбелями новых людей, и никому в голову не приходит, что настанет и его черед»

В самом деле—говорит современный критик—больше ста лет прошло со дня выхода в свет «Горя от ума», но и до сих пор эта пьеса свежа и с прежней силой волнует нас. Грибоедов изобразил в ней не только старый быт московского общества. Он сумел показать в нем те вечные типы, которые и сегодня каждый из нас может встретить в жизни.

Кроме комедии «Горе от ума», наиболее выдающимися произведениями Грибоедова являются: «1812 г.», «Радамист и Зенобия», «Грузинская ночь». Но эти пьесы до нас дошли лишь в отрывках.

Ранняя смерть оборвала творческий путь талантливого писателя.

В. С.

Грибоедов в Екатерининском, Тульской губ.

Весело было в Екатерининском летом 1823 г. В благоустроенной усадьбе Бегичевых, на красивом косогоре, недалеко от того места, где Дон отделяет Тульскую губернию от Рязанской,—большой с'езд гостей. Тут и провинциальные помещики, приехавшие надолго в гости со своими чадами и домочадцами, с привычками екатерининского века, и молодежь из губернских городов, и даже редкий гость из столицы. Молодой, веселый, прекрасно образованный, умница и балагур—Александр Сергеевич Грибоедов.

Он—предмет внимания любезных хозяев, предмет мечтаний застенчивых барышень. Его тормошат со всех сторон и, если бы не влияние Степана Николаевича, молодой человек поддался бы этому радушному очарованию и заигрыванию, прибавил бы десяток кило в весе и отбыл бы в туманную столицу после весело проведенного отдыха.

Но Степан Николаевич, хозяин усадьбы, внимательно следит за своим гостем, заботиться о мелочах, с усмешкой поглядывает на легкое ухаживание своего друга за Лизанькой Соковниной, которую тот в шутку называет своей невестой.

— Делу время, потехе час, — намекает Грибоедову хозяин и дружески выпроваживает гостя в беседку в саду.

В этой беседке молодой гость делается неузнаваем: сбегает с него веселость, хмурятся близорукие глаза и он подолгу просиживает за письменным столом, пока хозяин не позовет его откушать и отдохнуть.

Грибоедов занят своей пьесой «Горе от ума». Кропотливо, меняя форму, перебирая характеры, творит он свое бессмертное произведение, работая уже над третьим и четвертым актами, делится успехами и неудачами с хозяином, нервничает, худеет, забывает про гостей, про Лизаньку.

Проходит лето и гость уезжает в Питер, увозя с собой драгоценную работу.

Стихло все в Екатерининском. Барин, передовой человек своего времени, засел за книги, грустна милая Лизанька. Тихо в усадьбе после шумного лета, но на длинные осенние и зимние вечера хватит всем разговоров об этом прекрасном лете.

Воют зимние вьюги. Тоскливо в Екатерининском. Барин ходит озабоченный и не вымолвит лишнего слова, подолгу просиживая у себя в кабинете. Беспокоится Степан Николаевич о своем друге, который, делая блестящую карьеру, отправился послом в далекую Персию. Писал он недавно, что трудно ему бороться с англичанами и с могучим хитрым придворным, главным советчиком шаха. Тревожно было это письмо. А потом долгое молчание.

— Нарочный из города,—доложили Степану Николевичу.

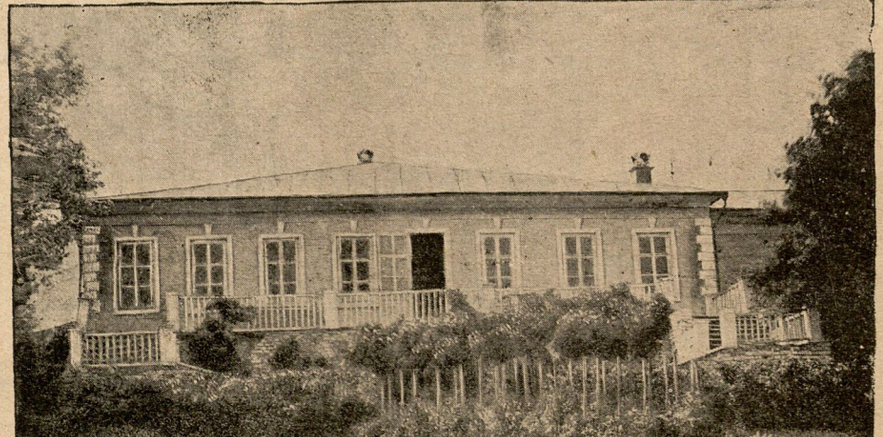
Быстро распечатал он письмо, почти вырвав его из рук промерзшего курьера, раскрыл, сразу осунулся и, не сказав ни слова, ушел в кабинет.

Три дня не выходил Бегичев из кабинета, а когда вышел, домашние ахнули: он был бел, как лунь,—поседел за эти три дня.

— Александр Сергеевич убит,—сказал он, и впервые заплакал...

Прошло много, много лет. Время и нерадивость стерли с лица земли садовую беседку в Екатерининском, на косогоре, откуда был виден Дон. После 1861 г. новые владельцы Екатерининского, мало знавшие о Грибоедове, снесли беседку, экономя средства. Умерла 93-летней старушкой Лизанька...

Теперь в Екатерининском совхоз. В ветхом барском доме живет заведующий совхозом, в мезонине красный уголок. Идет новая жизнь, сметая старое. Совхоз—культурный оазис для окрестных крестьян. В нем сеют высокодоходный шатиловский овес, гречиху „Богатырь“, картофель „Меркер“ и „Вольтман“,вместо дедовской выродившейся картошки. Бойко работает крахмальный завод совхоза, скоро появится сыроваренный завод, идет подготовка к постройке на берегу Дона электрогидростанции.

Дом Бегичевых в Екатерининском, где работал Грибоедов.

От грибоедовских времен в Екатерининском хранится, как реликвия, рукопись—копия „Горе от ума“, сделанная неизвестным с рукописи Грибоедова. Эта рукопись находится у Марии Владимировны Бегичевой. В конце рукописи стоит:

„Верно с подлинным манускриптом, полученным мною от самого автора“.

Подпись неразборчива.

Вен. Павлович.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал.

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей.

IV год издания. | Февраль 1929 года. | № 2 (27)

ДЕРЖАВНА ПУБЛІЧНА БІБЛІОТЕКА * ОДЕСА * 22 3 29

Зима в упряжке.

ПО-

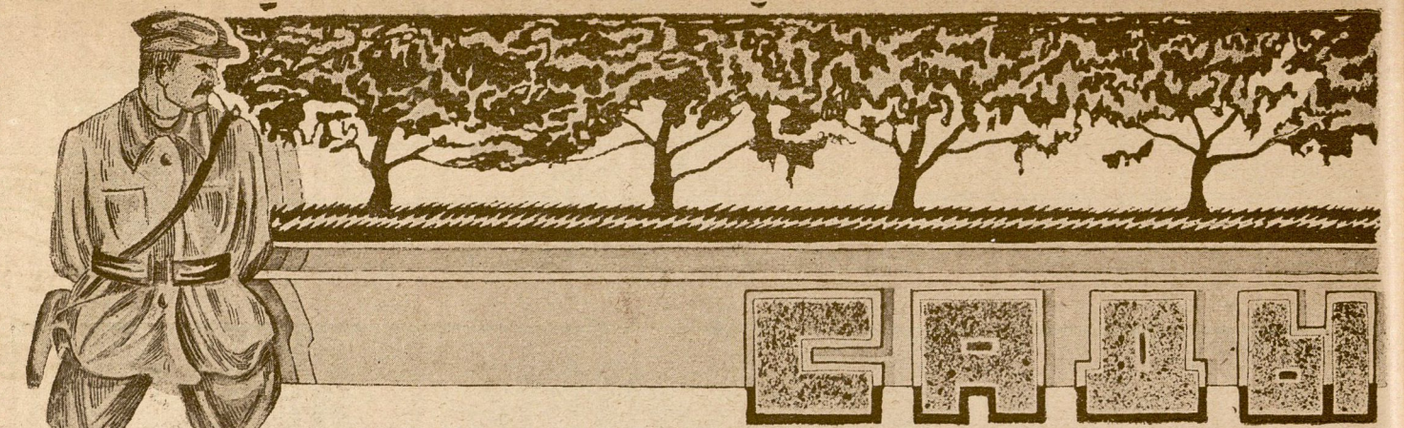
Мы вышли по утру
Еще, на рассвете,
Лицо освежал нам
Прохладою ветер.
Над нами созвездий
Качалася люстра
И в сердце проснулись
Походные чувства.
Товарищ мой весел
И весело мне с ним.
Вот в бодрых рядах
Зажигаются песни.
И вот, разгораясь,
Пылают ряды,
Как шумен и весел
Поход молодых.
Хоть воздух и звонок,
Но песням он тесен,
Окрайна пылает
Пожарами песен.
Коль песня погасла,
Другую валяй!
Мы шумным походом

-ХОД.

Выходим в поля.
Весеннюю зорю
В дали деревень,
Как знамя нам поднял
Встречающий день.
И вот у леска,
От реки в отдаленьи,
Мы шумно открыли
Большое сраженье.
Бежали, кричали
И весел был бой,
Был радости полон
Отряд боевой.
А в вечер все стихло,
Устали «бойцы»,
Раскинулись мирно,
Как в поле косцы.
Лишь пел кто-то песню
О прошлых боях,
И песня лилась
И звенела в полях.

В. Вешиян.

В дни отдыха трудящиеся Тулы — с. мала до велика — делают вылазки на воздух на лыжах и коньках. Катки, парки заполняются сотнями людей, выковывающих свое здоровье, силу, ловкость, бодрость.

Поэма И. КОСТИНА

Рис. Лесного.

I.

Латыш. Фамилия: Азол.
Глаза бесцветны. Жилист. Тонок.
Таким он с карточки на стол
Глядит, безусый, как ребенок.

II.

Был машинистом. Поезда
Водил в Крыму сквозь жар и грозы.
Ветры, станицы, города
Его лицо покрыли бронзой
Загара...

В тихом городке,
Пропахшем скукой и сиренью,
По вечерам с газетою в руке
Сидел, пока не наплывали тени.
Шел на обрыв к речушке
«Цна»!
Не русское, чудное имя!
Здесь стругом золотым луна
Скользила в лиловатом дыме...
Был садоводом. И сады
Лелеял лаской и терпеньем.
Сначала—для себя садил.
Служил в помещичьем именьи
И, шесть годов ученью дав,
Покинув тихую квартиру,
Прошел по княжеским садам
От Пскова и до Армавира.

III.

Черешни, яблони, цветы,
Сияющая просинь лета,
Цветная россыпь крымских дынь
И поздно, в сумерки—газета...
А молодость—прошла и нет.
Года свой оттиск положили,
Он стал сутул, морщинист, сед
И на руках набухли жилы.
Была жена—и нет жены.
Был сын:—убит в полях далеких.
У ней в холме посажены
Два цветика. А у того—ни крохи.
. . . . . .
Князь Комсин на заре вставал,
Спускался в сад росистый с палкой.
Пройдя аллею раза два,
Срывал нарцисс и шел к качалке.
Азол имел кровать, да стол,—
Не больше, чем в былые годы...
О, горьки запахи цветов,
Взращенных
Не для садовода!

IV.

...Гудел, как шмель, под ветром куст,
И кипарис дрожал вершиной
В огне закатном.
По песку
К под'езду прошуршали шины
И стихли.
До самой зари
О чем то все кричали в зале,
И на воротах фонари,
Как мотыльки,
Дрожали...
А утром в городе, пока
Шар солнца в сини подымался—
Возблаговестил адвокат
О революции Февральской.
. . . . . .
Сад ночью пел, звенел, сверкал,
Шипели фейерверки содой,
И старый местный либерал
Высоко поднимал бокал
— За счастье доброго народа!
Духов английских аромат
Мешался с криком трезвых, пьяных,
Рояль то бухал, как набат,
То начинал на старый лад
Лить вальс задумчивый и пряный.
Азол не спал. И огонек
Сквозь пепел в трубке ворошился,
И жилка прыгала в висок
И билась там.
...Уже Восток
Сияньем солнечным раскрылся...

V.

И вот пошло!..
По всем дорогам
Катился шум. Стучал невнятно
В особняки, засовы трогал.
Вставал в России Вал Девятый.
В саду еще толпа шумела,
Но Комсин—сын урывком, редко
Входил сюда.
— Так много дела!
(Он был начальник контрразведки)...
Все ближе шум. Кидал тоску
В особняки;
Они пустели.
По желтому, зернистому песку
В последний раз коляски проскрипели...
Громадной, медленной волной
Через кирпичную ограду
В пустынный сад вливалась ночь.
Азол пошел один по саду.
Стучали выстрелы...
То редко,
То часто, точно пульс больного.
Облава шла.
Начконтрразведки
То вскакивал, то опускался снова
На кресло; жиром облитые
Сжимались—разжимались пальцы.
— «Попомнит Комсина Россия!
Он победит. О, Комсин! Он прославится!
Опять зальется светом дом,
Сейчас покинутый семьею,
Опять бокалов звон и гром
Пойдет аллеей вековою»...
Азол, минутному затишью рад,
Задумался на лавочке.
Вдруг быстро
С ограды кто-то спрыгнул в сад
И рядом грохнули два выстрела.
Косоворотка. Без ремня.
(Обыкновенный русский Митя).
— Ишь, обозлились на меня...
Чуть-чуть не сшибли... Проводите.
Азол поднялся.
Ни один
Не сжался мускул и не дрогнул:
— Сюда. Правее, гражданин.
Ступенька. Хорошо. Здесь ровно.
Обратно вывел через час
И трубку у скамейки поднял.
Но огонек потух, зачах.—
Нет, не курилося сегодня.

VI.

Гул, пулеметы...
...И на утро—
Знамена плыли облаками,
Оркестр сверкал, как перламутр,
Лучи, как шашки наголо, сверкали.
Дрожали тополя, что снасти
Быстрейшей шхуны пред отплытием.
Плакаты, сделанные на-спех,
Вздымались, кумачем овитые.
— Крестьянам—землю,
Весь завод—
Тому, кто сладил, кто построил.
А сад—он твой,
Ты садовод,
Сад выхолен тобою!
Старик,—а будто-бы моложе,
Такая чехарда с годами!
Он жил—и дожил...
Жил—и дожил.
Гремите ж,
Ветры,
Над садами!
Сад зашумит,
Сад зацветет,
Томясь, полнея, набухая...
И рассмеялся садовод,
Виски седые потирая.
. . . . . .
Но это в будущем...
Сейчас
Всю ночь до самого рассвета,
Глухие выстрелы стучат
То близко, то далеко где-то.
И с полутемного перрона
Сквозь одинокий и тоскливый
Свист—в мглу ночей летят вагоны,
Под дыма лиловатой гривой.
И одиноким журавлем,
Глядя из теми, как из ямы,
Застыл тревожный семафор
Над накаленными путями...

VII.

Князь Комсин—сын, обзаведясь
Осколком армии побитой,
Шумел и дрался.
Был он князь,
А нынче—ша:
Он стал бандитом.
В глухих уездах резал, бил,
Сжигал клетушки и овины,
Направо и налево мстил
И был весьма неуловимым.
И изредка, в седую ночь,
Окно урчало вздоха тише,
И тенью ловкою в окно
Карабкался хозяин бывший.
Бродил, глядел...
Садовник знал,
Но князь надеялся: не выдаст.
На всякий случай оставлял
Приказ:—Не выпускать из вида.
Но зимней ночью дрогнул сад
И кто-то выстрелил поспешно,
А князю глянули в глаза
Пять дул упорно и насмешливо.
Вошел Азол.
— Князь Комсин, вас
Ждет грузовик.
Молчание.
— Идите!
...Так эта кончилась глава,—
Глава о князе
И бандите.

VIII

Потом—ЧК.
Револьвер, стол
С клеенкой, кем то развороченной.
Здесь день и ночь сидел Азол
Спокойный, медленный и точный.
Звенели ночи за окном,
Затворы пели за дверями,
И выстрелов железный гром
Стоял над тихими садами.
Он позабыл сады. Они
В былое быстро отступили.—
Горели дни, гремели дни
И поезда с вокзалов выли...
. . . . . .
Но вот в работу ровный ритм
Вошел победно и желанно,
И крылья алые зари
Махнули над седым туманом.
Однажды, выйдя из чека,
Азол увидел:
Над садами
Покойно плыли облака
Серебряными парусами.
Был вечер золот, тих и прян
И нежно ласков, как улыбка
Той девушки, что с парнем говоря,
Стояла у резной калитки
Напротив.
Пахло молоком
И расцветающим жасмином;
Река сияющим кольцом
Лежала на платке долины.

Через неделю снял наган
И с полуденной тишиною
Уехал в золотой туман
Садить сады и жизнь строить.

Трамвай в Заречье.

В январе пущен трамвай в Заречье. Производятся работы по пуску трамвая и в Чулково.

IX.

Прошли года, как звонкий сев
Дождей весенних и просторных...
Все было:
Чахло гиб посев,
Скотина падала без корма,
А необласканный пустырь
Труд брал и брал безрезультатно,
И ток, как позабытый, стыл,
Травы покрывшись пятнами...
. . . . . .
И голод был. Последнюю корову
Пришлось отдать за семена.
Над пустырем, как приговор, сурово
Стояла мертвая луна.
Сутулясь, старческой походкой
Идя домой, кой-кто проклял и «жисть»,
И похудели крепкие молодки,
И в балалайке струны порвались.
Стянув ремни, с рассвета и до теми
Корпели в комьях ссохшейся земли.
И солнце жгло нещадным жаром темя,
И лошади храпели и не шли.
Машины—ни одной.
Откуда
Возьмут машины бедняки?..
...Но вот однажды трактор гудом
Наполнил поле у реки;
За ним, помахивая кепкой,
Спешил Азол, веселый и хмельной.
По-новому, захватисто и крепко
Прошелся трактор целиной.
Вокруг него толпились и орали,
За пашней гукал и смеялся лес...
Лишь поздно в сумерки громада
синей стали
Передохнуть забралась под навес.
. . . . . .
Забыл лета свои Азол,
Пропитан потом, солнцем, зноем.
По вечерам веревки плел
И раньше всех вставал с зарею...
И вез Азол, и каждый вез.
Везли
И вывезли
Колхоз!

Машины грянули в поля,
Отстроен комбинат,
Лепечут песню тополя,
И мужики шумят
У мельничных поставов. Там,
Где был пустырь—теперь иное:
Там ветерок по деревцам
Бежит веселою рысцою.
Грушевка, рдеющий анис
Лежат по осени в соломе.
За садом морем разлились
Земли распаханные комья,—
Здесь тоже будет сад.
На сорок
Верст о питомнике известно
И мужики смеются в бороды,
Беря растенье, как невесту,
На руки...
Бережно уносят
И садят у своих дворов,
И ждут прекраснейшую осень
И свежесть первую плодов...

X.

От милой тяжести дрожа,
Под золотою паутиной
В колхоз приносят урожай
Распаханные десятины.
— Машины есть. На тридцать пять
Процентов этот урожай
Мы можем и еще поднять...
Поднимем! Нужно поднажать;
Еще удобрить жирно дол,
Очистить от травы и вики,—
Так говорил седой Азол
На совещании во ВЦИК'е.
. . . . . .
Он вечером обходит сад
И смотрит, опершись на грабли,
Как тихо плавится закат
И сумрак моет ноги яблонь.
Вечерний сон плывет с полей,
Залитых млеющею рожью,
Покой ложится на земле,—
На той,
Что всех земель дороже.

Рассказ и иллюстрация к нему

С. Дмитриева.

(Окончание).

VII.

На Терентия Тихоныча напало беспокойство.

Крепко закрутил дело избач Гвоздев.

Степку из комсомола исключили, это — полбеды.

Для Терентия Тихоныча все комсомолы — пропади они пропадом.

Видел Терентий Тихоныч—начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

Прислушивался Терентий Тихоныч к разговорам, приглядывался к лицам мужиков,—не те разговоры стали и мужики поиному смотрят.

На што тихий мужик Савелий Тележкин, а и тот намедни в кооперативе напрямик:

— Погодите, живоглоты... Дайте вот перевыборы...

«Вон оно куда дело клонит, думал Терентий Тихоныч. Он стоял тогда в лавке и, стараясь не терять степенности и уверенности, поглаживая бороду, говорил Егору Фомичу, улыбаясь беспечной с виду улыбкой:

— Ну, брат, Егор Фомич, табак наше дело... Гляди, много-ль время прошло, как просветитель этот приехал, а уж всех умными сделал. Чего дальше будет? Посмотрим, чего дальше будет. Беспокойство толкало Терентия Тихоновича, из лавки он зашел в совет.

У крыльца стояла гнедая, тощая лошаденка, тощий мужичок в лаптях и коротком полушубке стоял у ступенек.

Мужик снял шапку, но Терентий Тихоныч, не ответив на поклон, прошел в дом. Мужик пошаркал за ним.

В грязной, прокуренной комнате мужик снял шапку и остановился.

Терентий Тихоныч прошел к столу, где сидел Назар Лексеич, уткнувшись в бумаги.

У окна в полудремоте сидел, почесываясь, заспанный сторож Агап.

У стола перед Назаром Лексеичем стояла старуха, молчала, вздыхала и сморкалась.

Терентий Тихоныч сел за стол и стал разбирать дела.

Тогда Назар Лексеич пролаял:

— Не стой, бабка, над душой! Я тебе сказал ничего не добьешься, хоть неделю стой. Никаких справок, я делом занят.

Я-ль бедноту не защищал?

— Как же так, батюшка?

Тогда проснулся Агап; не торопясь, позевывая, поднялся с лавки и взял старуху за рукав:

— Иди с господом, раз сказано секретарским человеком... Иди... До чего, вить, назойлива...

Тощий мужичок посторонился, давая Агапу и старухе дорогу и кашлянул; Терентий Тихоныч вскинул на мужика мрачный взгляд.

— Ты чего ждешь?

— Опять к твоей милости. На счет вспомоществования... Сделай милость... Терентий Тихоныч дал полную волю злобе:

— Сделай милость!. Вспомоществование!.. Да где-ж я возьму-то чего? Много нам советская-то власть дает? А? Много? Я у тебя спрашиваю. Ты, небось, тоже избачевские рыцеи-то слушаешь да Терентия-то Тихоныча ругаешь там всячески, а вот идешь— Терентий Тихоныч, сделай милость...

— Вить вот какая настырная,—ворчал, входя в комнату, Агап. Хоть ты кол ей на голове теши, она все свое... Терентий Тихоныч несколько минут молча смотрел на мужика и вдруг выругал его матерно:

— Убирайся... к матери...

Терентий Тихоныч был страшен. Мужик пожал узкими плечами и попятился.

— Как же так...

Тогда Терентий Тихоныч стал медленно подниматься со стула багровея:

— Што... што тебе от меня...

— На...а...родец,—усмехнулся Назар Лексеич и крикнул по-петушиному:

— Чего-ж лаптями пол-то утираешь, чертушка?... Глянь, грязищи што наволок...

Мужик поворачивал лошадь, когда Агап позвал его с крыльца:

— Иди, требуют тебя.

Мужик робко вошел в дом. Терентий Тихоныч сидел, обхватив голову ладонями.

— Испугался!.. Больно я страшен... сказал он.

Голос у него стал тихим.

— Ты... Вот чего... Сельсовет тебе помочь ничем не поможет... Сам подумай, дурья голова, чего в сельсоветах есть? Пыль. Ты вот чего... Мужик-то ты хороший... Я до бедноты жалостив.. Заходи ужо, вечерком, ко мне... Домой... Поговорим.. Чем могу, окажу помощь своими средствами. Жалко вашего брата... Накричишь иной раз на вас.. Потому дела, расстройство всяческое... Заходи, значит, ужо... Вслед за мужиком вышел Терентий Тихоныч из совета.

«Надо будет к Григорью с'ездить, с ним посоветываться» думал Терентий Тихоныч.

Небо холодно синело низкими тучами, они ползли медленно, и тяжело несли они предзимнюю стужу...

Черным и истрепанным стоял лесок за рекой, река плескалась в берега серыми стальными волнами.

VIII.

«Дорогой товарищ Алеша! Получил я твое письмо, очень рад за твои успехи Учись, учись, не жалей сил.

Просишь ты написать тебе про мое житье, про дела деревенские. Изволь—пишу

Не хвалясь, скажу тебе—налаживаются дела. Актив из бедноты хороший есть, комсомольцы есть дельные, учитель помогает. Кружки организовали. Трудно, небось, работать в деревне, спрашиваешь ты. Понятно, не легко, особенно в Крутых Горках.

Кулачье рвет и мечет. Перед праздником на собрании делал нам председатель Терентий Тихоныч отчет: какие достижения имеются у нас к II годовщине Октября. Ну, взял я его в работу! Смотрю: за мной один, другой, третий. Как пошли его стегать! Так, понимаешь, аж зарычал он:

— Я-ль, говорит, бедноту не жалел! Посмотрел бы ты на его рожу в это время! Перекосило всего, будто взвыть от обиды собрался! Хохот поднялся.

— Какую бедноту? кричат ему.

— Пьяниц да горлодеров ты угощаешь—это верно.

— Гнать вас всех кровососов из совета!

Загалдели тут сваты да кумовья Терентия Тихоныча, Евсей загорланил (спился мужик окончательно), за ним Харитон Хромов (тоже пьяница), Жмых заорал, Степка с приятелями. Компанийка «теплая» у Терентия Тихоныча.

В общем — ясно. Два лагеря определились — бедняцко-середняцкий и кулацкий.

Ну, РИК и райком меры принимают.

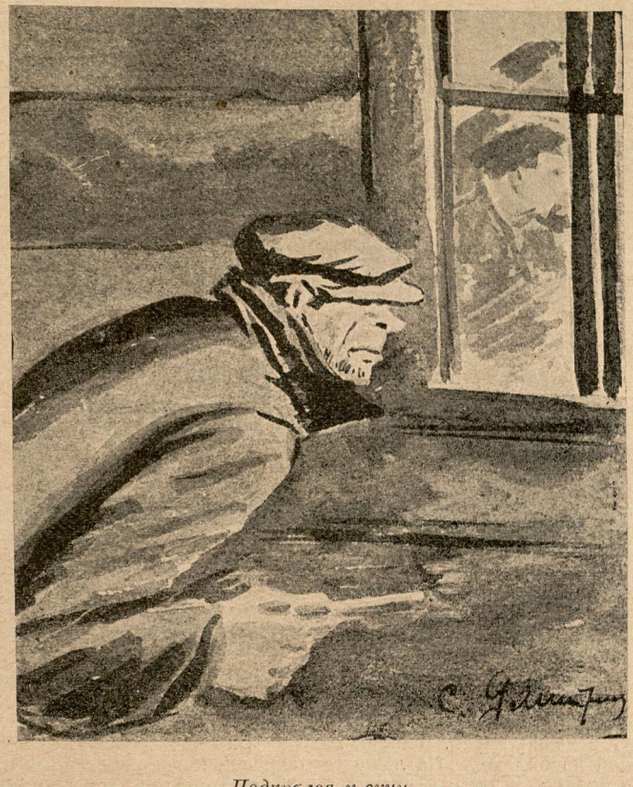
На-днях пленум сельсовета соберется.

Так вот. После собрания сидим мы с пастухом Ермилом вечером, часов одиннадцать уже было.

Ермил бездомный, живет со мной в избе-читальне, спит на печке. Хороший мужик. С виду только чудной. Лет ему под пятьдесят, а у него ни бороды, ни усов, щетинка серебристая.

Я писал месячный отчет, а Ермил, сидя на корточках, затоплял маленькую печушку, чтоб сварить картошек и поужинать.

Вдруг—со стоном и всхлипываниями вбегает в избу растрепанная женщина — Фелицата. «Жмыхова баба», как зовут ее у нас. Оказывается—ее избил Жмых; он над ней издевается и пожаловаться некому, — «бедная она, разнесчастная».

Подкрался к окну...

Она, долго рыдая, закрывая лицо платком, стояла у двери; потом села на лавку, продолжая всхлипывать и стонать. Я, признаться, не знал, что делать. Я посмотрел на Ермила. Он насупленно курил трубку и щепкой поправлял в печке березовые чурбачки.

Печка гудела, узкие железные трубы, скрепленные проволокой, дрожали, поскрипывали и тихо пели.

— Шла-б ты, откуль пришла,—сказал Ермил.

Он повернулся к Фелицате и оглядел ее с головы до ног.

— Суд што-ль тебе здесь?—сказал он. Шла-б отсюда, говорю.

Но Фелицата не шла.

Мы поели с Ермилом горячей картошки, скипятили чай в жестяном чайнике.

Фелицата сидела на прежнем месте, и за ней густо темнела причудливая тень на стене. Раза два перед этим приходила Фелицата ко мне и предлагала взяться бесплатно за ликвидацию неграмотности.

Но... оказывается, она водочкой торгует, и, понятно, какая же из нее руководительница!

Лет Фелицате за тридцать. Когда-то красивой девушкой должно быть была: черные, «с огоньком» глаза и теперь еще сохранили свою живость.

Женщина она грамотная, была она замужем за управляющим в соседнем барском имении; в революцию муж скрылся куда-то, а она жила в совхозе, а потом как-то сошлась с Жмыхом.

Элемент чуждый, но не гнать же ее было сейчас из избы? Ермил гнал:

— Иди, ты, иди... Нечего тебе здесь делать.

Но она плакала. Она, захлебываясь слезами, говорила, что некуда ей итти, что время позднее, все спят и что «изверг» может быть стережет ее где-нибудь за углом.

Так она и осталась.

Мы не стали гасить огня, и легли мы с Ермилом за перегородкой, а Фелицата осталась на лавке.

А утром пренеприятная вышла история. Утром чуть-свет заявился Жмых, и, когда я проснулся, он тащил Фелицату из избы и орал на всю улицу:

— К избачу шляться, чортова баба! Избач тебе мил! К избачу дьявол!

Шли уже бабы на колодец, выходили мужики из изб—и смотрели и слушали. Фелицата упиралась, а Жмых волок ее по дороге и орал:

— К избачу шляться... дьявол!

У избы стоял Ермил и кричал:

— Ах, лявра этакая!.. Какую штучку... а!. Ах, комедиянтка!

...Представь, друг Алеша, мое положение!

Что за «фокус» в этом деле? Повидимому, желание „осрамить" меня.

Ну, что-ж, пусть действуют. Этим не возьмут.

Просишь ты, друг Алеша, материальчику для газеты о коллективизации. Пока-что туго у нас дело в этой части. Под боком у нас колхоз, тот самый, где Терентия Тихоныча сынок Григорий орудует.

Был я там. Плохо колхозники живут. «Заправилы» колхозные пьянствуют, все спустили, теперь скотину последнюю продают. Многие мужики думают, что и во всех колхозах так. А чтоб обратное им доказать, надо много работать, образцово колхоз поставить. А земля у колхоза, на талой земле.

IX.

Тьма громыхнула громом. Черные посыпались с голой ветки в темноту птицы.

И через минуту истошный и отчаянный голос Ермила раздался страшным воем:

— Ка...ра...ул!..Э...э...э!..

Тогда в избе у Семеновых сорвалась дверь с крючка, и на пороге, хватившись головой о притолку, появился Жмых.

Все спали, кроме Лушки; она качала маленького в люльке. Отскочив от люльки, она в испуге прижалась к стене, лишившись языка.

— Это... Не у вас это грохнуло?—спросил Жмых.

— Што тако?—проснулся на печи старик.

Жмых опрометью бросился вон из избы.

Деревня проснулась—засветились огни; разбуженные криками на улице в необычный час, тревожно выбегали из изб мужчины и бабы.

— Где?

— Что?

— Избача!

— Што, што? Избача...

— Застрелили...

— Релили...и...и...

X.

Морозный ветер обдавал лицо жаром, голова горела, обрез жег руку. Пригнувшись, Евсей бежал лужайкой к сараю.

В сарае он сунул обрез в сено и сел.

Зубы стучали, и Евсей не мог удержать их,—руки тряслись, и, свалявшийся жгутом ворот рубахи душил, как чья-то крепкая рука.

Евсей схватился за голову—шапки на голове не было. Когда и где он потерял ее—Евсей не знал.

Он сидел и прислушивался.

За сараем шумел сад, где-то заржала лошадь, смутно доносились людские голоса.

Суд над убийцами тов. Бандикова.

С 2 по 10 февраля в Туле происходил суд над кулаками и их приспешниками деревень—Любени и Сучки, Камаревского района, убившими председателя избиркома, стойкого коммуниста тов. Бандикова. Тов. Бандиков был послан партией в деревню для проведения кампании по перевыборам сельсоветов До его прибытия в деревнях Сучки и Любени было засилье кулаков Ивановых и Седовых. Они руководили всей общественной жизнью, беднота находилась в кабале этих кулаков. Кулаки спаивали хулиганов деревни, при их помощи держали бедноту под угрозой расправы и на сходах проводили свои решения.

По прибытии тов. Бандикова, они увидели в нем своего врага. Почувствовали, что их господству приходит конец.

Кулаки организовались в террористическую группу, подпоили темных людей деревни, и выстрелом в окно был убит тов. Бандиков.

Кто такие убийцы?

Организатор убийства—молодой Иванов, сын первого кулака в районе. Его и называют помещиком. Седов—мироед, грабитель бедноты. Леонов—темная сила, хулиган, способный на все. От его руки пал тов. Бандиков. Крапчетов при помощи кулака-родственника мечтал опериться, вылезти в зажиточные. Он доставал оружие для кулацкой организации. Башкиров—продался кулакам за три чашки водки.

Кулаки, стреляя по тов. Бандикову, стреляли по советской власти, по компартии, по социалистическому строительству. Они понесли должное перед пролетарским судом: Тимофей Леонов, Егор Иванов и Григорий Седов приговорены к расстрелу. Седов Гавриил и Башкиров—к 10 годам и Крапчетов—к 3 годам заключения.

На рисунке (слева направо): 1. Иванов, организатор убийства, 2. Леонов, убийца, 3. Седов Григорий, 4. Крапчетов, 5. Башкиров и 6. Седов Андрей—дает показания.

«Наверно, до смерти»... с двух раз... Небось, до смерти...

Евсей с'ежился, его вдруг сковал ледяной холод.

— Домаха... завыл Евсей по-бабьи—чего я теперь стану делать... о.. о... е.. е...

Потом он зашептал, крестясь:

— К стенке, к стенке... поставят старого дурака, убийцу к стенке... Да нешто я убивал?—вдруг вскочил Евсей. Нешто я? Жмых стрелял... Жмых... На любовной подоплеке... На любовной... А я што... Я ничего... Почем я знаю... К стенке старого дурака... К стенке...

Он долго шарил обрез в сене, не помнил, куда пихнул, потом пошел, вышел из сарая и забросил обрез на чужой темный огород.

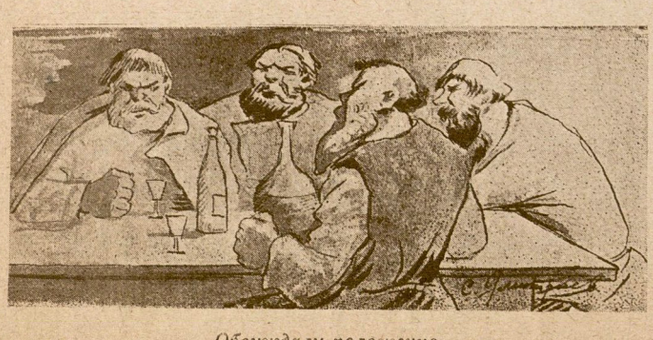
— Жмых,.. Жмых... А я почем знаю.. Мое дело сторона... Жмых был... Назар Лексеич был... Степка был...

А мне какое дело...

Но зубы не переставали стучать и руки дрожали, свертывая папироску...

Но зажигать огня было нельзя. Евсей растер в пальцах папироску, пошел в сарай и лег на сено, свернувшись.

Под утро он уснул черным, неспокойным сном.

Обсуждали положение.

Было бело на улице, когда он открыл глаза. Дверь была не притворена, шел снег, густой и бесшумный.

И час и два сидел Евсей недвижно.

«В милицию... итти в милицию... Сказать... от чистого сердца»—думал Евсей...

Потом он услыхал голоса.

Шли бабы; одна с охапкой соломы, другая несла сено в большой корзинке за спиной.

— Теперь, гляди, Онуфрий скоро вернется, скажет...

— Небось, руку-то отнимать будут..

— Небось, отрежут..

— Ты, скажи, хорошо еще попали в руку, а то-б на смерть могли.

«Стало... жив, жив... В руку, вишь, жив»,—забормотал Евсей.

Когда бабы скрылись за садовым плетнем, Евсей пошел домой.

Домаха стояла перед печью, жарко освещенная огнем.

Увидев отца, она выронила ухват из рук, и чугунок с картошкой грохнулся на пол.

— Тять! Ты...

Евсей упал на пол, подполз к онемевшей Домахе и зашептал, ловя непослушными руками ее руки:

— Терентий все... Терентий.. Избу, говорит, новую.. Хозяйство тебе обзаведу... Ночь... темная... Никто не увидит... Никто не услышит... Темная... ночь... А мы враз... Жмых из револьвера, а я... из обреза... Враз... Терентий говорил—ничего не будет... Устроим вроде бы на любовной подкладке... Вроде Жмых из ревности.. А я вроде.. за тебя... За тебя... С тобой будто бы дело имел.. избач... И Фелицату подсылали... нарочно подсылали... Знал что б народ, вроде как путалась она с избачом.. А мы враз... Што-б верней было... Я из обреза... Зови милицию... Зови.. доченька... Беги...

Домаха оттолкнула отца и бросилась к соседям...

Евсей несколько минут очумел, сидел на полу, потом влез на печь, жалко скорчившись. Прижавшись к трубе, он сидел там, бессмысленно глядя на дверь до тех пор, пока изба не наполнилась людьми.

Рассказ М. Кольчугина.
Иллюстрация А. Лесного.

I.

Из центрального рудничного поселка Назар вышел в половине двенадцатого дня. Над снежным полем светило негреющее солнце. Дали сгущались в морозной мгле. Острый, леденящий ветер взял с севера из морозной мути.

Назар был одет в парусиновые брюки, почерневший от угля, такой же парусиновый пиджак, натуго подтянутый прочным ременным поясом. Голова Назара была обтянута какой-то серой кожей, напоминавшей порванную половинку футбольного мяча. Вольфовская лампа болталась у него на поясе.

Выйдя на железнодорожную ветку, через рельсы которой лютейше веяла поземка, Назар остановился, оглянулся назад, точно желая узнать, сколько пройдено пути. Потер черной рукавицей лицо, круто повернулся на прежнее место и почти побежал к шахте, навстречу неослабевающему, по-январски острому ветру.

До смены было более двух часов, но Назар бежал, торопился. Прежние дни Назар ходил на шахту вместе с группой забойщиков. Тогда было совсем хорошо. Углекопы бежали кучкой, толкались, поочередно хоронились друг за друга от злющего, неуемного ветра. Сегодня же Назара выгнало вперед особое событие. На шахту приехал новый заведующий Обручев, поселившийся временно в барачной комнате, рядом с комнатой уборщицы Алены.

Здоровую, краснощекую Алену Назар знал с момента поступления ее на шахту Часто с ней встречался в столовой, в ликпункте, перебрасывался шутками и в конце концов заключил, что на шахтах лучше Алены девушки нет. Алена отвечала на его шутки улыбками.

Она была по сердцу многим забойщикам и откатчикам. Ласки их были грубы, они хватали девушку за груди, тискали. Назар на это не обращал внимания. Он отшучивался перед товарищами:

— Вали, вали, все равно Аленка себе цену знает.

Аленка отвечала, точно поддерживая Назара:

— Пусть полезут: всю морду расквашу.

Совсем другое с Обручевым. Этот всегда говорит умно, завлекательно, называет Алену ласкающими именами, даже угощает кисло-сладкими леденцами из синей моссельпромовской коробочки. Вчера Назар слышал, как Алена звонко рассмеялась на слова Обручева. Какой у них был разговор, Назар не знал, но, видя разгоряченное лицо Алены, Назар понял, что Обручев говорил ей о своей любви.

Назар ушел домой. Ночью он спал плохо. Думал об Алене.

А вот сейчас бежит на шахту за два часа до смены. Он думал о том, как сейчас подойдет к Алене, узнает или нет ее отношение к Обручеву—этому грузному лысяку с толстыми, влажными губами.

Назар почти бежал. Ветер выдувал тепло из-под его одежды. Поземка драла сильней. Железнодорожную ветку вымело до песка, до обледенелых шпал.

Встретились две девушки. Они что-то крикнули Назару, но он не понял: слова были схвачены и унесены ветром. Назар гаркнул им в ответ приветствие, девушки оглянулись. Овчинные шубы их распахнулись. Малиновые сарафаны лихо бились на ветру.

Снежные поля блестели под солнцем мертво, точно покрытые слюдой. Ветер доносил клохтание водоотливных труб на шахтах. Шахты стояли одинокими и походили на огромные юрты в тундре.

II.

Бывает иногда такое время. Сидит человек у окна, смотрит на морозные узоры на стеклах и не понимает, о чем думает. Мысли идут в беспорядке, заваливаются одна другой, как зеленая трава сухим сеном в спешке перед грозой.

У Алены было такое же состояние. Барак только-что ею протоплен. Оконные стекла отходили сверху от мороза. С подоконника стекала вода, направленная в безгорлый кувшин по шерстяной нитке. Сквозь замерзшие стекла Алена ничего не видела, но в сознании ее ярко, как на экране, всплывало то, что когда-то было за окном.

Хорошо помнился Алене июль месяц, луга. Красные, розовые и белые кашки; молочно-белые, с желтыми сердцевинами «любишь—не любишь».

В июле месяце таким подбором цветов цветут берега по широкой реке. И в июле же, когда Алена стерегла липненское стадо коров, прибежали с угольной сортировки девчата купаться на реку. Они принесли с собой песни, звонкие визги и угольную пыль на лицах и на одежде. Раздевшись, они ударились вплавь по реке, взбивая солнечные брызги. Плавали, то носясь по течению, то прибиваясь к берегам, к зеленым тростникам, шуршащим от набегавших волн.

— Вот мы прокупаемся тут: утащат наши сарафаны с получками,—притворно беспокоились девчата.

— Утащат, еще заработаем,—задорно отвечали другие голоса.

Работницы угля Алене тогда казались самыми счастливыми людьми в мире.

— За сколько ты пасешь коров?—спрашивали девчата у Алены.

— За шесть пудов муки и полусапожки.

— Сколько же все это стоит?

— Не знаю.

— Приходи к нам работать.

Алена пришла на шахты после троицы, когда по деревенскому поверию бывают в речках русалки, когда совершается в темных лесах разрыв росистых трав, сверкающих ивановскими светлячками.

Тогда были теплые ночи, маревные вечера, расцвеченые зори с туманами над лугами. Сейчас на оттаившие оконные стекла налипала черная пыль угля, за окном гудел ветер, закручивая столбами снег, как пыл на летних пашнях.

— Тук, тук, тук,—слышится за переборкой.

— Вы что, Кузьма Григорьевич?—спрашивает Алена, оторвавши взгляд от окна, прислушиваясь к перегородке.

— Лена, у тебя иголка с ниткой есть?—слышится голос Обручева.

— Сейчас.

Алена быстро достала из висевшей на стене подушечки иголку.

— Вам с какой ниткой: белой, аль с черной?

— Все равно, какая есть. Мне пуговицу надо пришить на рабочем пиджаке.

Пуговицы к пиджаку были пришиты прочно, но Обручев одну из них оборвал умышленно, чтобы зазвать к себе Алену.

Алена вошла к заведывающему в комнату; он сидел на кровати, свесив на пол грузные ноги в шерстяных полосатых чулках.

— Благодарю, Леночка,—сказал он, принимая иголку с ниткой.—Выпей стаканчик чаю с ландрином.

Она заглянула ему в глаза. Глаза его были серые и сверкали негреющими огоньками.

— Вот так целую жизнь пришиваю сам пуговицы,—пожаловался Обручев на свою жизнь.

— Давайте я пришью, Кузьма Григорьевич!

— Если это тебя не затруднит, пришей. Я буду очень благодарен тебе за это. А когда буду одеваться, всегда буду вспоминать: «экая красавица, скажу, была у меня на 72 шахте».

Алена взяла пиджак и хотела итти с ним в свою комнату. Обручев остановил ее.

— Садись здесь: пора привыкать.

— Ребята увидят, боюсь.

— Что за пустяки! Разве ты зависишь от кого-нибудь?

— Этого-то нет...

Она села на табуретку, накрыла колени пиджаком и стала отыскивать место, где оторвана пуговица.

Обручев прилег на постель Достал из-под головы желтый бумажник и вытащил пачку денег. Алена глянула на пухлые руки Обручева, перебиравшие червонцы, пятерки и трояки.

— К деньгам так и сыпятся деньги,—сказала она, завязывая на конце нитки узел.

— А здесь немного денег. Всего двести шестьдесят рублей.

— Ой! Это немного?—с завистью воскликнула она.

— Конечно. Вот как переберусь на настоящую квартиру, прислугу найму себе. Обстановку надо приобрести себе.

— Ну, сколько же вам прислуга станет? Рублей пять на ваших харчах в месяц?

— Как пять? Если, к примеру, ты у меня в прислугах будешь, я тебе и не подумаю меньше полсотни платить.

— Почему это такое? Что я царица что-ли какая?

Она хотела что-то добавить к этому, но, поймав на себе взгляд Обручева, замолчала. Толстые пальцы Обручева путали пожелтевший венчик волос вокруг лысины. Другая рука шелестила червонцы. Потом деньги легли на край столика, где стояла чайная посуда и коробочка с леденцами. Обручев потянулся на постели, описал в воздухе круг рукою, задев из-под низу теплые колени Алены. Он извинился. Она ничего не ответила на его извинение и лишь дальше прибрала ноги под табуретку. Густая краска разлилась на ее лице.

— Ты пойдешь ко мне в прислуги, Лена?—начал Обручев, давая понять тоном голоса, что он зацепил ее нечаянно и уже забыл об этом.

— Я же не смогу стряпать на вас, Кузьма Григорьевич. У вас, небось, всякие кушания бывают. Я могу варить только щи да картошку. Да и то теперь отвыкла: в столовой обедаю.

— Подавать на стол будешь, а готовить других найду.

— Нет, я в прислуги не собираюсь. Я лучше на сортировку пойду колчедан отбирать. Там надо мной никаких хозяев не будет.

— Нат, уж благодарю, Лена! Пока я на шахте заведующим, не быть такой красавице на черной работе.

Обручев снова поднялся на кровати и уже намеренно положил руку на колени Алены.

— Для чего ты, Лена, создана, как не волновать меня? Хочешь все отдам тебе? Ну, бери меня, вместе с деньгами.

Алена чувствовала, как толстые пальцы Обручева ощупывали ее ноги.

— Кузьма Григорьевич, к чему вы?

Пиджак упал на пол. Руки Обручев не отдернул. Другой он обнял Алену за плечи, привлекая к себе и дрожа, как в лихорадке. Но у Алены силы оказалось больше. Она жестко отстранила Обручева от себя рукою и быстро вышла из его комнаты.

В бараке было сине, словно от чада. Длинные скамейки не были заняты. В дальнем углу у стенгазеты стояла деревенская девушка, очевидно, пришедшая просить работы. Алена посмотрела кругом, будто ища человека, которому можно пожаловаться, но никого, кроме девушки, не увидела.

III.

Когда в барак вошел Назар, Алена снова сидела у своего окна задумавшись. Назар заговорил с деревенской девушкой густым басом, так, чтобы его услыхала Алена.

— Ступай в шахтком, Нюшка, там тебя и на работу определят.

Выбежала из комнаты Алена, одетая в овчинную шубу с черной опушкой на подоле, полях и рукавах и повязанная в серую мохнатую шаль.

— Проводи меня на сортировку, Назар!—подойдя к нему, попросила Алена.

— Почто?—спросил он, развязывая наушники.

— Перевод хочу брать туда. Пойду учиться, а то, чего доброго, не умеючи-то начнешь с сита уголь вместо колчедана пулять.

— Вот что значит жир-то капает. Не хочу сидеть в тепле, дай пойду на мороз, пылью питаться.

— Зато себе сама хозяйка буду! И квартиру мне дадут вместе с девчатами, и времени у меня будет свободного, хоть отбавляй.

Они вышли из барака и направились к обледенелой лестнице, ведущей на сортировку. Вышка стояла на столбах, будто дом, поднятый от наводнения. Узенькая лестница круто шла вверх. На верху гремела машина. Из окна здания сортировки черной лавой ползь уголь в приготовленные вагоны. Люди толклись в вагонах, разравнивая лопатами черные глыбы.

Мороз к этому времени, как всегда в ясные дни перед вечером, покрепчал. Снежные дали посинели. Небо сливалось с полями. Серые мазки облаков казались отдаленными волнами снежных наносов. Поземка подымалась сильнее. Работавшие на угле люди были закутаны в шали и кудели прядева, сплошь забеленные инеем.

По мере того, как Назар и Алена подымались по лестнице, поля расширялись больше и больше. Далеко, над мертвой равниной, вырастали новые и новые вышки шахт, клубившиеся белым паром. Сбоку угрюмо лежала деревня, сплошь занесенная снегами.

— Это Липки, где я коров стерегла,—сообщила Алена.

— А вон под той деревней я работаю,—кивнул головой Назар в другую сторону, где в снегах синели такие же угрюмые крыши и запушенные инеем лозы.—Наш забой как раз под той деревней,—добавил он.

Бежал на встречу острого ветра.

Вышка шахты гудела, громыхала, как гигантская веялка. Под ногами, над головой и с боков все колыхалось, ходуном ходило. Казалось, что вот-вот вышка сдаст, поползет в стороны, обрушится. Но все стояло на своем месте незыблемо. Прочнейшие деревянные устои, пронизанные железными прутьями, с завинченными на концах гайками, не давали грохоту и ветрам расшатывать вышки. Стены и потолок здесь были в инее, как в муке, и напоминали большой мельничный амбар. Чугунные клети то и дело выносили из земли тяжелые вагоны угля. Два закутанных человека откатывали их в сторону и опрокидывали в черную, гремящую пасть.

— Хорошо! — одобрительно крикнула Алена на ухо Назару.

— Десять тысяч тонн в месяц!—громко ответил Назар.

— А где же тут девчата работают?

— Идем!—схватил Назар Алену за рукав шубы.

Рабочие откатили назад от громыхающей пасти порожний вагончик. Назар указал туда пальцем. Там ходили железные шатуны, тянули в несколько сторон решетчатые полосы, уносящие уголь по сортам.

Ежеминутно на шатуны опускалась лопата в руках человека, но где он, нельзя было понять. Назар толкнул тесовую стену рукой. Открылась дверь. В нее хлынул морозный ветер, запылил углем. Ленты ползли вверх и вниз, во все стороны, перегруженные углем: крупным-глыбистым, средним, как обломки обгорелых поленьев, мелким, как сгнивший орех.

— Наташка,— крикнула Алена женщине, расставившей ноги по желобу, по которому без конца ползь уголь.—Упадешь! Утащит!

Женщина подняла обернутую прядевом голову. Быстро ткнула лопатой в ползущий вместе с лентой уголь и с силой оттолкнулась в сторону. Она упала на уголь, вытянулась, чтобы расправить нывшую от боли поясницу, и крикнула другой, чтобы та сме-

— А я к вам скоро перейду сюда тоже,— сказала Алена Наташке, поднявшейся теперь и усевшейся на кусках угля.

— А-ах, ты ду-ура!— всплеснула руками Наташка.— Что тебя сюда зовет?

— Шахта меня зовет, уголь, — ответила Алена.

— Кто же на твоем месте-то?

— Не знаю.

— Ведь ты тут погибнешь в одну неделю. Подумать надо, с какого места уходишь.

— А ты не знаешь, какой Кузьма Григорьевич охалник-то? Попробуй поживи с ним!

Наташка ожила.

— Ах, ты, чудачка этакая, а ты как же думала? Что же тебе задаром хорошее место дастся? Отчего Любка кладовщицей-то устроилась? Она, если ты хочешь знать, со всеми путалась: и с заведующим и с рудкомом. А тут жди, когда труд облегчат—издохнешь скорей!

Сменившая Наташку женщина, так же широко расставив ноги над ползущей лентой угля, разворачивала лопатой уголь, застопорившийся в пасти, у выхода на ленты. Ленты ползли без конца вверх, вниз, в стороны. Над ними копошились люди, закутанные в тряпье, в прядево занесенные снегом и инеем.

— Вы что, Кузьма Григорьевич?

— Лед если бы обрубить с путей.

— Откачку сильнее давайте, Иван Палыч, откачку!

Блестя, бегут впереди рельсы; они похожи на тончайшие искривленные струны. Штреком идет сплошной поток холодного ветра. Обледеневший путь не позволяет итти и средним шагом Ноги то отдаются назад, то раз'езжаются в стороны.

— Сколько же по такому льду сможет пригнать человек вагончиков?—спросил Сапрыков заведующего.

— Норму выставляет как раз.

— Часто бывают случаи падения на льду?

— Падают только дураки,—ответил Иван Павлович.—Умный никогда не упадет. Хороший шахтер специальные подковы на лаптях носит. Бьет шипами в лед, как лошадь. Все подземелье гудит.

Колонны проходят назад двумя рядами. Из тьмы появляются все новые и новые, покрытые плесенью и дикими грибами, выросшими вне света.

IV.

В подземелье Назар спустился в одной клети с заведующим шахтой и каким-то вновь приехавшим человеком, одевшим новый брезентовый плащ, который изодня в день поджидает приезжающих в конторе.

Заведующий называл человека товарищем Сапрыковым, и по всему было видно, что побаивался его. Сойдя с клети под землей, Сапрыков поднял перед собой ярчайшую вольфовскую лампу.

— Ничего, — сказал заведующий, — мы сейчас оглядимся и пойдем.

— Вы в плохие забои-то не ходите, вы все в хорошие, где делать нечего вам,—сказал Назар.

— Давайте, давайте, товарищи, плохие места,—заговорил Сапрыков. Я приехал именно помогать изживать плохое. Указывайте где-что!.

Его голос сразу смялся десятками голосов. В трех шагах от него между откатчиками и заведующим поднялся скандал. Черные, всклокоченные и оборванные люди кричали друг другу:

— Ты почему вагоны бракуешь?

— Не полные?! А ты знаешь, мы их насыпаем с верхом, а они утрясаются.

— Нет, ты пути должен сперва исправить, а потом браковать!

— Вагоны на каждом шагу бурят!

— Тысячу раз говорили: крепить надо во-время; задавит человека, тебя за хвост не поймаешь.

— Ишь, лампы-то запалили, что твое электричество, а мы впотьмах, как осенние мухи, чкаемся.

— Посадили в мешок, завязали: вертись, как хочешь...

Перед Сапрыковым начали выступать колонны, группы черных людей, длинный обоз вагонов с углем. Сапрыков не знал, что говорить, что обещать. К горлу подступили слезы радости. «Вот она живая масса, к которой никак не повернуться лицом» —думал он.

— Мы, товарищи, поднимаем и будем поднимать добычу!— кричал звонкий голос.—Наш брат любит работу, но зачем эта жулябия обсчитывает нас? Ведь сам, будь он тысячу раз проклят, весь кооператив разорил вином и сластями, а на рабочих плюет, что ему ни говори.

— Лопни мои глаза,—клялся чернолицый с бородой, как лопаточка, Сапрыкову.—Если бы не вы, не велел бы записывать этого вагончика. А я причем тут? Вагон забурил, хоть ты жилы порви, ничего не сделаешь Пути ни к чорту. Один человек вагончик гонит, другой рельсы держит. Раз'езжаются в стороны, как живые. А попробуйте впотьмах-то. Пальцев не наготовимся. Железо, это—не дерево враз, и рука к чортовой матери.

Уходившему заведующему кричали вслед:

— Мы, Иван Палыч, поднажмем. Пути нам только исправьте, двери понавесьте, чтобы по штрекам не дуло.

V.

Центральный рудничный поселок стоит на берегу небольшой речушки. Дома его все одинаковые и различаются только по номерам. Различие от домов имеет только один клуб, и тот, вероятно, за свое различие, поставлен наедине, на противоположной стороне реки.

Мелкие воды речушки сейчас проморожены вместе с илистым дном. Речушку забило снегом, и через лощину к клубу, скрипя ногами, ходит народ каждым вечером. Жидкие прямоствольные березы печалятся серому небу, порошат перезрелыми семенами на головы людей, на снег. Семена уносятся ветром ни весть куда, вместе с угольной пылью, вместе с ревом гудков шахт.

Вчера вечером в полях была особенная несказанная метель. Поселок охватило яростным гудом бури, и висевшие на столбах электрические лампочки покололись от непомерного раскачивания. На железнодорожную ветку выходили четыре работницы-горнячки и забойщик Назар. Они стояли все вместе, тесно прижавшись друг к другу. Буря рвала им одежды, заносила сыпучим снегом и грозила проморозить самих, как речку с илистым дном. Все пятеро бросали крики в тесную снежную муть. Ветер вырывал их слова и уносил, неизвестно куда.

— Замерзнет она,—болезненно говорила одна девушка.

— Конечно, наверно с дороги сбилась,—вторила другая.

— А может быть она раздумала итти, — разубеждала третья.

— Нет, она обязательно идет где-нибудь,—уверял Назар.— Кричать надо сильнее. Прядева больше жечь.—Новый пук прядева вспыхнул ярчайшим факелом, поднялся кверху на шесте. Ветер начал рвать огненные клочья и понес их в поле в миллионах снежных струн.

— Э-э-э-эй!—послышалось совсем недалеко.

— Аленка, накажи бог, она.

И это действительно была Алена. Она подбежала к стоявшим на железнодорожном полотне и обрадованно зачастила:

— Теперь-то я дома. Среди народа. А у нас там жуть. Никого. Ветер, того и гляди, барак своротит. Ходит Обручев один, по бараку лысиной сверкает. Насилу убежала от него. Завтра я в вашу смену выхожу, с утра.

Товарково, 23-25 января 1928 г.

На перевыборах сельсоветов

ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ

(Очерк М. Колябской).

Селение Борисовка, Тепло-Огаревского района, беспорядочно рассыпалось по одну сторону оврага. На дне оврага кое-где курится легкий дымок. Это бьют незамерзающие ключи, дающие начало реки Красивая Мечь. Вечереет... На западе немощно угасает заря. Серые тени наползают на овраг, на село. Мимо древней часовенки на дне оврага лошадь с трудом вытягивает сани по крутому под'ему к Борисовке.

— Здесь у нас будет бой,—говорит товарищ из РИК'а.—Здесь еще есть участники и зачинщики кулацко-бандитского восстания 1920 г.

Вот и деревня.

— Где здесь уполномоченная сельсовета,—спрашиваем у встречного крестьянина.

— Мурашиха? А вот; вот изба. Вы прямо к ей под'ехали.

В избе полумрак. Взрослых не видно. С печки несется щебет ребячьих голосов. Сколько их там, впотьмах разобраться трудно. Но точно птичье гнездо перед сном—полно шума и движения. И впотьмах с печки же старушечий голос:

— А-ся? Хто там?

— Мурашову нам... Евдокию Сергеевну.

— Дочку-то? Она вышла...Сейчас обернется. А вы по выборам что ли?

— Да.

— То-то; она давно уж вас поджидала. На сегодня собрание в школе собирают.

Скоро появляется и сама Евдокия Сергеевна. Это миловидная и подвижная женщина лет 30-35.

— Из РИК'а? На перевыборы?— приветливо улыбаясь, пожала нам руки:—Наконец-то, а я уж думала, что и не приедете. Пообождите минутку—я сейчас...

Она засветила лампу, направилась к печке и, приняв от старухи полугодовалого ребенка, начала его кормить. А с печки, с любопытством тараща глазенки на приезжих, выглядывало еще не менее трех ребячьих рожиц.

— Ого, сколько же их у вас?

— Да шестеро, словно конфузясь за свое многочисленное потомство, улыбнулась она.

— Как же вы справляетесь?

— Да вот вертишься и по хозяйству, и с ребятами, и с общественными делами. Что же поделаешь? Ведь нужно со всем управиться, ну, и управляешься.

— Ну, как у вас тут настроение в деревне? Как беднота, зажиточные? Готовятся к выборам?

— Готовятся,—многозначительно протянула Евдокия Сергеевна, возвращая ребенка старухе:

— Вот сами сегодня увидите. Крику много сегодня на собрании будет. Беднота-то вся за меня, а вот те, что побогаче, тем очень не любо, чтобы я в сельсовет прошла. Им хочется старого председателя сельсовета протащить. Он из нашей деревни, и от него им завсегда уважение было.

Мы отправились вместе с ней по домам созывать бедноту и середняков на предвыборное собрание. Мы заставали семьи уже за ужином.

— Здравствуйте, хозяева. Ну, сколько у вас здесь взрослых, мужчин и женщин? Трое? Четверо?—Так вот на собрание пожалуйте.

— Что-ж... вот поужинаем, да и соберемся.

— Да чтоб и женщины приходили

— Будут... С скотиной управились Вечер, чай, свободный. Придем с бабами.

Так обошли мы десятка три дворов бедноты и середняков.

Но когда мы пришли в школу, она оказалась до отказу набитой собравшимися. Пришли со всех дворов, включая и зажиточных. В маленьком классе было уже тесно, шумно, душно. Крошечная лампочка, едва освещая один угол комнаты, оставляла в полутьме остальные.

Собрание об'является открытым.

Краткий доклад «о перевыборах советов и задачах бедноты» почти с первых же слов прерывается резким и недружелюбным возгласом откуда-то из дальних рядов:

— Не затемняй, не затемняй... Мы неграмотные...

— Тише... Не мешай!—одергивает придвинувшаяся ближе к президиуму беднота.

— Это из богатеньких,—дает на ухо справку уполномоченная:— Мне сейчас ребята сказали, что он собирается сорвать собрание.

Выступает в прениях.
(Дер. Фоминка).

Докладчик продолжает свою речь. Внимательно слушают ближайшие ряды—здесь беднота. А дальше, там, где полутемно, нарастает какой-то гул и движение.

— Агитируют... своих подговаривают,— шепчет на ухо ликвидатор неграмотности.

— А скажите... Откеда это взялся кулак? И почему это? 10 лет его не было, а теперь он об'явился?—снова тот же голос перебивает речь докладчика.

— Опять свою волынку завел,—осаживает беднота:—дай, кончит говорить, тогда и спрашивай.

Председатель призывает к порядку.

— Что ж, глотки нам заткнуть хотите? Говорить не даете? Зачем же нас сюда созывали,—одновременно раздаются несколько злых реплик из дальних рядов.

— Вас сюда никто не звал,— поясняет председатель:—сюда приглашали бедноту и актив середнячества, а вас позовут на общее собрание.

— Это мы-то богатые? Мы?— протискавшись сквозь толпу, к столу президиума приближается явно пьяный парень. Шапка у него скатилась на затылок, полушубок распахнулся и рубаха на груди для большего эффекта разодрана посредине.

— Бедняк—подкулачник. Его спаивают зажиточные,—информирует ликвидатор.

— Это мы богатеи? Да?— стучит парень кулаком по столу.

— Богатеи! — издевательски кричат из дальних рядов:— советская власть скоро всех по миру пустит.

— Замолчите вы!— кричит на них беднота.

— Ты-то не богатей, да плохо, что сторону богатых тянешь,—говорит парню председатель.— Ну, смотрите, на чью руку он играет!

— Знамо дело, зажиточные подпоили его. Это подкулачник. Вместе с ними пьет и водится,—шумят ближние ряды.

— Собрание незаконное... Незаконное собрание. Идем, народ, по домам,—вопят в свою очередь зажиточные:—нам здесь голосу не дают. Нам здесь делать нечего. Валяй по домам!

— Это самое лучшее, что вы сделаете. Товарищи бедняки и середняки, вы не возразите, если зажиточные уйдут отсюда?

— Пущай уходят.

— Скатертью дорожка!

— А кто их звал сюда? Пусть убираются вон.

Кулаки на время стихают. Собрания они не покидают, но и не теряют надежды сорвать его.

Едва только докладчик успел произнести слово «коллектив», снова возникает шум.

— Не надо нам вашего коллектива.

— Коллектив для чужеспинников и лодырей.

— Не хотим новой барщины! Не подгоняйте под коммуну!— истерически визжат

бабьи голоса.—Это кулаки сорганизовали свой «женский актив».

— Товарищ председатель, уймите вы этих горлопанов,—просит группа бедняков:—ишь, хотят собрание сорвать.

— Замолчите вы, костоглоты,— подымаются на скамейки женщины из беднячек, пытаясь перекричать кулаков и визгливый хор их «женского актива».

— Удалите зажиточных с собрания! Хотим остаться одни — бедняцкие и середняцкие.

— Кулаки? Как налог с нас драть—так мы нужны, а как собрание—так нас долой. За чей счет советская власть живет, за чей счет помогает бедняку?

Начинается невообразимый шум. В хаосе криков тонет и теряется голос председателя, призывающего к порядку. Его не слушают ни зажиточные, ни беднота Разгорается классовая схватка. Повернувшись спинами к президиуму, беднота сводит счеты с зажиточными.

— За ваш счет? Это вы живете за наш счет, ироды проклятые, на нашей спине выезжаете.

— Если б советская власть не выручала, вы бы совсем бедноту живьем проглотили.

— К кулаку с голоду пойдешь, горсточку муки получишь, он потом с тебя шкуру сдерет.

— Вам, кулакам, советская власть, как бельмо на глазу. Только зря вы злобитесь; этой злобой подавитесь,—кричат и бедняки, и беднячки.

— Ишь, на какую уловку пошли. Дураков этих, бедноту—Волкова и Агапова, подпоили. Нашли себе аблокатов! Только не пойдем мы ни за вами, ни за подкулачниками вашими.

— Вам потому коллектив страшен, что при нем беднота устроена будет, и не с кого будет вам жилы тянуть.

— К порядку... Просите слова и высказывайтесь по очереди!—выбивается из сил председатель.

Под напором бедноты кулачье оседает, замолкает. На некоторое время воцаряется спокойствие.

Начинается обсуждение кандидатур в сельсовет. Здесь снова вспыхивает бой.

— Не хотим бабу в совет! Не хотим Мурашеву!—несутся выкрики из дальних углов, где ютится кулацкий актив.

— Им Мурашева потому нехороша, что ее не подкупишь, не подпоишь.

— Голосовать, голосовать!—требуют бедняки и середняцкий актив.

Здорово кулаков прохватили! (Щекинский район).

— Кто за Мурашеву—подымайте руки!

Дружно голосует беднота, середняки, женщины.

Это единодушное выступление бедноты и середнячества взбесило кулаков.

— Подавляющее большинство,—об'являет председатель.

— Обман! Подлог! Нет большинства за Мурашеву!—озверело кричат кулаки и пьяные подкулачники.

— Где у вас глаза-то? Не забивайте нам голову! Хотим Мурашеву — и все,— парируют остальные.

Атмосфера накаляется. Классовые страсти разгораются с исключительной силой. Нет уже никакой возможности удержать собрание в рамках организованности. Беднота снова сводит счеты с кулачьем. Бессильны призывы председателя к порядку. В полутемном классе идет борьба двух стихий — советской и антисоветской. Крики, угрозы... Взмахи рук. Что это — дерутся или убеждают? Громадные тени, уродливо преломляясь, скачут по стенам и потолку, придавая кошмарно-фантастический вид всей обстановке.

— Пустите, пустите меня—истошным голосом кричит пьяный подкулачник в разодранной рубахе. Крики и шум смолкают сразу. Пьяный протискивается к столу.

— Я буду считать голоса.

— Да кто тебе, дураку, поверит! Проспись пойди сначала,— смеются над ним бедняки и середняки.

— У нас есть подсчетная комиссия, она считает голоса, — говорит председатель, и, уверенный в успехе бедняцкого списка, он еще раз ставит его на голосование. Результаты те же Опять большинство. Беднота уверенно и решительно подымает свою руку за свой список.

— Что вы делаете? За кого вы голосуете? За Мурашеву!—остервенело кричат кулаки и их подпевалы

— Опускайте, сабы, руки! Опускайте, дуры!--дергают кулаки и их жены за руки беднячек и середнячек.

— Сама не знаешь, что за коллектив голосуешь.

— Товарищ председатель, тут по рукам бьют, голосовать не дают,— кричат беднячки.

— Назовите, кто это делает. Будет составлен акт, и виновные будут отвечать за срыв собрания.

Проходит бедняцкий список. Бурные, долгие аплодисменты со стороны бедноты и середнячества. Кулаки зл веще и мрачно безмолствуют.

* * *

Через 5 дней на избирательном собрании кулаки пытались провалить бедняцкий список кандидатов в сельсовет. Это им не удалось.

— Мурашева--наша, наша!—торжествующе кричали бедняки и середнячество.

-- Мурашева за нас стояла и будет стоять. Кулакам потачки не давала и не даст.

А после собрания часть зажиточных, вместе с подкулачниками, вдохновившись самогоном. распевали под гармошку:

«Понапрасну, Ванька, ходишь,
Понапрасну ноги бьешь,
В сельсовете места не получишь,
Кулаком домой уйдешь».

А в то же время на пленуме сельсовета Евдокия Сергеевна Мурашева была избрана председателем сельсовета.

* * *

Из-под толстой кожуры льда на дне оврага бьют незамерзающие ключи. Они дают начало тем ручьям, что, стекаясь вместе, образуют на дальнейшем своем пути речку Красивая Мечь.

М. Колябская.

Единогласно за бедняцко-середняцкий совет. (Дер. Казачья).

Фото В. Сэпп.

Красная армия

(Очерк Ив. Сироты).

Маленькое отступление.

В детстве, когда мне было лет семь, отец подарил мне жестяную фигурку, которой предназначалось изображать солдата.

На ней была жестяная шинель и такая же фуражка и сапоги. Солдатик был тонок в талии и на солнце сверкал всеми переливами радуги. Кроме того, он обладал способностью двигаться. Повернешь назади ключик—и топает по столу фигурка, пока не раскрутится пружинка. Повернешь еще—и снова двигается солдатик в любом направлении.

С этой жестяной фигуркой у меня связывалось представление о царской армии.

Напротив дома, в котором мы жили, около пыльного скверика, утром обучал солдат коренастый, рыжий фельдфебель. До самого полдня он горланил команды, махал руками и ругался. Мимо него вправо и влево, вперед и назад проходили потные, усталые солдаты с застывшими каменными лицами. Шаги их гулкой жестью дребезжали по мостовой.

— Ась, два! Ась, два, три!...—выкрикивал фельдфебель.—Смирно! Где грудь, болван? Дай носки, розиня, чорт тебя подери! Напра-во .. Затягивай «Чубарики чуб-чики.»... Ась....

— Я вытаскивал своего солдата и ставил его на подоконник.

— У меня тоже такой есть,—хвастался я в окно.—Честное слово! Ась, два... Где носки, бродяга? Сейчас зубы повычешу... Ась, два...

Той армии, что грохала сапожищами под моим окном, и того фельдфебеля, которого я тогда копировал, давно нет и в помине.

Дом на Первомайской.

Медленно потухает бледно-розовая полоска зари на зеленом зимнем небе. Последние отблески ее еще вспыхивают в окнах желтого дома, глядящего в поле с городской окраины. За двором дома в синей сумеречности стынут осеребренные инеем деревья парка.

Мимо окон размеренно хрустит по снегу часовой, закутанный с ног до головы в громадный тулуп. Островерхий шлем и тонкая игла его штыка четким силуэтом вырисовываются на светлом фоне неба.

В доме зажглись огни, глухо вздыхает гитара. Из кухни донесся звон приготовляемой для ужина посуды. — учебный день красноармейца закончен.

Он начинается рано. В 5½ часов утра, когда город еще спит в пушистой изморози. по казарме роты связи гремит сигнал. Из открытых форточек в комнаты врываются белые клубы свежего морозного воздуха. Красноармейцы спешат на прогулку. Потом, раскрасневшиеся от мороза, пьют в столовой чай.

Члены комиссии хозяйственного содействия, раньше других кончив чаепитие, суетятся по казарме, смотрят, все ли на месте, все ли прибрано, как должно быть у красноармейца. Нет ли где неряшливо накрытой постели, чисто ли выметен пол?

Другие члены комиссии бегут в подсклад, заглядывают в кухню, справляются о продуктах.

Красноармеец Науменко—организовал кружок колхозников.

С 7 часов 30 минут до 12 ч. 30 мин. идут учебные занятия. Обед. После обеда—мертвый час, или, как его называют красноармейцы, „сончас".

В 3 часа красноармейцы идут на прогулку. Еще занятия и—ужин. Из раскрытых дверей столовой выплескивается смех и дружное брякание ложек.

Матовые лампы льют в комнаты неяркий, ровный свет. У одной стены рядами вытягиваются кровати, у другой синеет сталь составленных в козлы винтовок. Со стен наклоняются портреты вождей, нарисованные художником-связистом.

Нам показывают массивные желтые шкафы для вещей. Это—подарок шефа, работниц Тулшвейваты.

— Еще чехлы на рояли и на кушетки сшили,—говорит красноармец —А в воскресенье вызвалась прийти починить белье. Помогают нам, чем могут.

По казарме проходит кампания по улучшению быта. Каждый красноармеец активно участвует в ней. По роте связи уже собрано около 220 предложений...

За что сейчас идет бой?

Столовая опустела. Красноармейцы разошлись по кружкам, в ленуголок.

В одной комнате звенит балалайка, в другой идет беседа; в читальне обсуждают статью из „Правды".

Кружков — целый ряд: драматический, музыкальный, физкультурный, радио, общеобразовательный, фото-кружок, кружок малограмотных. Ими руководят сами красноармейцы.

...В широких снегах Арайвороньского уезда Калужской губ. затерялись сады Наумовского колхоза. Он организовался давно,—вскоре после революции. До тла выжгли белые маленькую деревеньку за то, что взяла помещичью землю. Оглядели крестьяне черные угли, под которыми истлела их старая жизнь, и ушли, без копейки денег за душою, на новое место создавать коллективное хозяйство.

Теперь по всей губернии знают о Наумовском колхозе, выросшем в большую, крепкую организацию. Красноармеец Науменко—из этого колхоза. Он вместе с ним жил, вместе с ним двигался вперед и знает его, как знают любимого ребенка Длинными зимними вечерами строчит Науменко письма в родной колхоз. Здесь, в роте связи, Науменко организовал кружок колхозников и рассказывает красноармейцам о работе своего колхоза.

В ленинском уголке регулярно проводятся беседы — на самые разнообразные темы: о международной обстановке, о ургайности. Все, что интересует красноармейца, подробно разбирается в этих беседах.

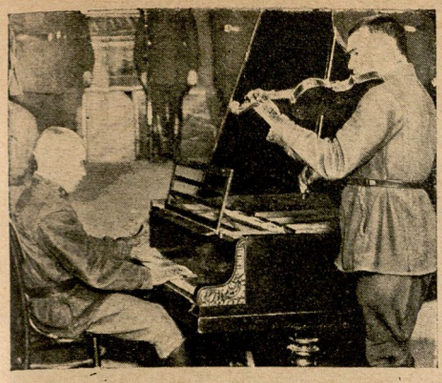
А красноармейца интересует многое Страницы толстой рыжей книги „Вопросов и ответов" сплошь испещерены различными почерками.

— „Кто больше скалит зубы из буржуазных стран на наш Союз?"

— „Наиболее непримиримым врагом являются капиталисты Англии".

За обедом.

Под аккомпанимент рояля заиграла скрипка в казарме.

— Товарищ комроты, можно ли отпускать меня на уроки математики в школу повышенного типа М.-К. ж. д.? Ответьте обязательно. Ф. Семенов.

— Нельзя. Посещение повышенной школы в первый год службы пользы не принесет. Подучитесь, тогда пойдете...

С боку прилепилась надпись:

— Товарищ командир, сделайте распоряжение тов. Сыкину, чтобы он выдал вторую гармонию, а то гармонистов у нас человек 12, а гармонь одна. Михайлов.

Размашистые буквы командира вдогонку бегут за каракулями Михайлова:

— Для игры достаточно одной, а вторую давайте побережем до похода. Тогда грянем!

...Драмкружковцы слезли со сцены; на сегодня довольно. Из спортзала доносятся приглушенные звуки гармонии. Огни электрических ламп дробятся в черной лакированной поверхности рояля, вытянувшегося у сцены. Низенький рыженький красноармеец задумчиво перебирает клавиши. Потом кивает товарищу:

— Давай, Кузнецов! Начинаем.

Кузнецов медленно подымает смычок. Ловкие пальцы побежали по клавишам рояля, зарокотал рояль. Тихо запела скрипка.

Вечер в разгаре.

...В комнатку правления клуба артполка влетел юркий красноармеец, руководитель кружка „Синей блузы".

— Товарищ начклуб, где нам заниматься? Ребята собрались.

Кузин нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Кружок „Синей блузы" — его детище, его страсть. Кузин раньше всех приходит на занятия, приносит купленные на свои деньги пьесы, тормошит начклуба.

Вечером начклуба, что называется, „рвут на части". Не может поспеть он во все концы сразу.

— Апасов!—кричит начклуба в коридор,—дай комнату „Синей Блузе".

— Есть,—откликается клубный активист.—Идем, Кузин!

Два красноармейца дружно затопали по коридору.

Из полураскрытой двери зрительного зала врывается многоголосый шопот и стрекотанье кино-аппарата. Рядом в комнате занимается женский кружок физкультуры.

Жены красноармейцев активно участвуют во всей жизни казармы. Дежурят в читальне, помогают убирать помещение. Везде, во всех уголках, звенят их веселые голоса.

— Наши женщины по первому зову сделают, что хочешь,—с гордостью говорит красноармеец.

На смотре.

Смотр красной казармы особенно хорошо проходит в артполке. В первые же дни смотра красноармейцами было внесено

Впервые на турнике.

Жены красноармейцев артполка участвуют в „смотре красной казармы".

свыше 200 предложений. Нет такого места в казарме, которого бы не коснулся пытливый взгляд красноармейца.

По красным уголкам развешаны листья вызовов.

— „Что ты сделал?"—бьет в глаза яркий заголовок. Под ним выстроились ответы красноармейцев. — Я подремонтировал уздечки.—Я вымыл стекла...

Все красноармейцы купили себе зубные щетки. В казарме не встретишь красноармейца, дымящего папироской.

Рабочие организации—шефы артполка—помогают улучшить казарму. Завод № 10 взялся за оборудование библиотеки; кружок кройки и шитья клуба "Серп и Молот" берет в починку простыни. Группком № 2 союза работников просвещения дал двух руководителей для кружка библиотекарей.

...По красным уголкам, по столикам красноармейцев каждые две недели шелестят новые номера „Пушки".

Учеба, быт, прорехи казармы—все отражается на страницах этого маленького юмористического журнальчика артполка. "Пушка" имеет целый кадр своих корреспондентов. К номеру журнала поступает до 50 заметок красноармейцев.

Один из командиров не пускал жену в клуб, — ревновал ее к своим товарищам.

— Не ходи, говорит, я тебе боты куплю..

И вот его физиономия красуется в „Пушке" под ядовитой надписью, а жена неудачливого ревнивца, веселая и довольная, появляется в клубе.

„Пушка" сделалась хорошим рычагом перестройки быта казармы. У нее есть бойкий и сильный товарищ—газета многотиражка; в нее пишут десятки военкоров, а их заметки читают сотни красноармейцев.

Вещи, как люди, люди, как вещи.

Здесь быт (—с годами вырастал!)
Организует канарейка.
Здесь тишина. Здесь жизнь проста,
Прямолинейна, точно рейка.
Рассвет... Здесь с пламенем гримас
Злословят женщины впустую.
Брюхатый самовар, дымясь,
Заводит воркотню простую.
Какой рассвет!.. Бледнеют тени,
Дымит испариной роса.
Сад пробуждается, с растений
Конфетный запах разбросав.
Здесь в спальнях птичий пух и вата,
Здесь на обоях цветоводство.
А в кухне—беготня ухватов
И кулинарное производство.
И вот, седеющий уходит, он
Служит где-то в учреждении.
Ползут к обеду стрелки ходиков,
Томясь в печальном отчуждении.
Здесь олимпийский покой.
В полусвете,
Здесь—вещи, как люди, и люди, как вещи.
Тревожит их тихость порывистый ветер
Пронзительным свистом, гуденьем зловещим.

И не слыхать рулад баяна,
Которым служит канарейка.
Здесь холодеют, как лист баньяна,—
Их тело греет телогрейка...
Здесь деликатный гость в почете—
Обычай древний не избыт.
Здесь по копеечке из сотен
Крепят комфорт и старый быт.
Здесь вечер (—домино и карты)
Миниатюрней лилипута.
Брюзжит рояль, октавы, кварты,
Септимы, сексты перепутав.
Опустят шторы,—мир забыт,
Он их спокойствия не ранит.
Здесь фабрикуют несложный быт,
Укутав купами герани.
Здесь „движут политику" и до изводства
Судачат торжественно, слогом простым.
Здесь реконструкция производства
Ничтожней реконструкции простынь.
Здесь полусон... Проходят вечера,
Как сходит пассажир по сходням.
Здесь жизнь—сегодня, как вчера,
И завтра будет, как сегодня.

Ал. Ватажин

ТЕАТР

Фото трудколлектива фотографов при ГОТ.

МЯТЕЖ

(В постановке тульского гортеатра).

Далекая восточная окраина Советского Союза.

С песней, гиканьем, свистом проходит отряд, которому дан приказ итти к Фергану. Оборванные, пришедшие сюда по воле революции из степных полей России,— вятские, нижегородские, курские, орловские, — устали до смерти; они — пороховой погреб, который может взорваться ежеминутно.

Вот они беседуют о делах революции, вот они мирно калякают о покинутых мужицких дворах и делятся последними крошками махорки.

Льстива речь Петрова, старого прожженного взводного царской армии; лихо заломлена фуражка у купеческого сынка Караваева, черной плеткой бьющего по голенищу сапога. Караваев и Петров „раскрывают" глаза обманутым красноармейцам, они рисуют бесшабашную жизнь-малину, которая их ожидает дома. Они обещают оборванным, истосковавшимся по родным полям красноармейцам распустить их по домам.

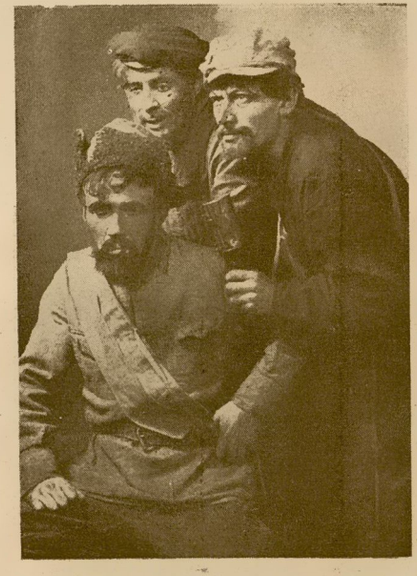
Мы видим все это, как в жизни. Караваев, Петров и липовый коммунист Чеусов плетут свою паутину. Они подбивают солдат поднять восстание. Красноармейцы отказываются подчиняться приказу из штаба армии. Их лозунги коротки:

— Долой комиссаров!

— По домам!

Четвертая картина «Мятежа».

МЯТЕЖНИКИ.

(Артисты: **Суворов, Северный и Горев**).

Группе коммунистов с уполномоченным реввоенсовета Фурмановым во главе предстоит задача ликвидировать мятеж.

Зрительный зал с неослабеваемым вниманием следит за драмой, перенесенной из далекого 20 года на театральные подмостки тульского гортеатра. Командный состав арестован мятежниками, ему грозит расстрел. Текут минуты. Дула бандитов направлены на коммунистов. И вдруг коммунар Ерыськин, тайком пробравшийся в крепость с коммунистическим отрядом, появляется за спинами мятежников.

...Восстание подавлено. Приказ из штаба выполнен точно и в срок. Выстроились те, которые поддались угрозам Караваевых. Они идут искупить свою вину: отправляются в Фергану защищать страну советскую.

Незабываемые страницы гражданской войны развернул режиссер перед зрителем. Прекрасны массовые сцены. Действие переливается в зал,—зал бешено аплодирует.

Актерский коллектив играет с под'емом. Яркий, незабываемый спектакль.

Безымянный

Артист **Соколов**, в роли Ерыськина.

Артист **Лазарев**, в роли Шигабутдинова.

Артистка **Лянче**, в роли Наи.

Артист **Емельянов**, в роли Чеусова.

Издатель — газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { **М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.**

Тулгублит № 222. **Типография Тулпечати**—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 72. Тираж — 8000 экз.